

Доктор Зильбер – уникальный гуманитарий-просветитель

А. П. Зильбер в Национальной библиотеке Карелии

Необходимое предварение. Хочу предупредить уважаемого читателя, что мое обращение к личности Анатолия Петровича Зильбера не есть вторжение непосвященного в неизвестную ему сферу – медицину. Я буду говорить лишь о той грани его деятельности, которая близка мне и сродни моим занятиям.

Тем не менее, опираясь на многочисленные источники, не могу избежать искушения и не сказать об

определяющей, известной многим деятельности врача А.П. Зильбера. Доктор медицинских наук, профессор, академик Российской академии медицины. Организатор в Петрозаводске первого в России отделения респираторной терапии. Заведующий кафедрой Петрозаводского государственного университета, автор концепции медицины критических состояний, создатель самостоятельного курса анестезиологии-реанимации, Заслуженный деятель науки РФ, народный врач Карелии, почетный гражданин Петрозаводска, кавалер многих орденов, медалей, почетных знаков. Автор свыше 450 печатных работ, среди них более 40 монографий. Ученый с мировым именем, чьи лекции по проблемам интенсивной терапии слушали врачи Австрии, Швеции, Финляндии, США, Израиля, Венгрии, Канады, ближнего зарубежья. Организатор ежегодных учебно-методических семинаров по проблемам медицины критических состояний. «Школа Зильбера», функционирующая под эгидой европейской Ассоциации анестезиологов, собрала в октябре этого года в 51-й раз семинар, на который съехалось более 300 врачей для повышения уровня теоретических знаний и внедрения в практику новейших достижений медицины критических состояний и получения специального сертификата.

Добавлю к этому личное - от пациента. В 2002 году, оказавшись по скорой в отделении реанимации Республиканской больницы, где-то около 6-ти утра увидела у своей кровати врача, которым, как позже узнала, был Анатолий Петрович Зильбер. Вскоре

состоялось наше знакомство, благодаря которому становлюсь счастливой обладательницей его книг. Появление в отделении в 4-5 часов утра для Зильбера, считающего это время очень важным для медицины критических состояний, норма, повседневность, которой он придерживается до сегодняшнего дня. И как это убедительно: наблюдения за больным, борьба за него в пограничном между жизнью и смертью состоянии усиливает, обостряет осознание ценности жизни. Врачевание рождает особую философию жизни – человековедение. Врач, утверждает А.П. Зильбер, - прежде всего человек, способный к сопереживанию. В замечательной книге «Легенды и реалии профессионального врача» (Петрозаводск, 2005) А.П. Зильбер приводит слова британского врача Томаса Сиденгама, который на вопрос, что следует читать, чтобы стать хорошим врачом, ответил: «Читайте «Дон Кихота». Сиденгаму принадлежит афоризм: «Хороший врач одним своим носовым платком приносит больше пользы, чем плохой с целым аптечным складом».

Упомянутая книга - лишь одна из более 50-ти работ А.П. Зильбера, посвященных другой стороне его деятельности – пропаганде гуманитарной культуры. А она, пропаганда гуманитарной культуры, - производное дрящегося уже более 60-ти лет страстного увлечения доктора Зильбера медицинским труэнтизмом. Приведу его определение: «Медицинский труэнтизм - это плодотворное устремление врачей к полезной деятельности вне медицины». Со студенческой скамьи «фанатичный коллекционер материалов по медицинскому труэнтизму», как он сам себя называет, Анатолий Петрович собирает и анализирует материалы о врачах, добившихся успехов и славы вне медицины. Уникальная картотека Зильбера насчитывает сегодня свыше трех тысяч оформленных в соответствии с принятой им классификационной схемой и твердыми требованиями к каждому досье. Его фигуранты - философы, археологи, дипломаты, историки, астрономы, музыканты, писатели, физики, политические деятели, главы правительств и др. Являясь не просто информацией или регистрацией каких-то данных, такое персональное дело оказывается результатом глубокого и длительного изучения материалов, каковыми становятся для собирателя многочисленные источники: прежде всего широкий спектр разнородной литературы от античности до наших дней, целенаправленные визиты в отечественные или зарубежные архивы, библиотеки, музеи, переписки, контакты и личные встречи, сопряженные с разысканиями, поисками..

Теперь эта картотека в обобщенном и концентрированном виде воплотилась в уникальное трехтомное сочинение «Врачи-труэнты», первый том которого уже предъявлен читателю¹. 15 глав тома – это 15 оригинальных, самостоятельных повествований, в каждом

---

¹ Зильбер А.П. Врачи-труэнты: Очерки о врачах, прославившихся вне медицины. С.-Петербург, : Арка, 2013. 460 с. илл.

из которых личность врача или врачей-труэнтов становится основанием для полнокровного разговора по истории мировой культуры или образования. Так, стержнеобразующей фигурой второй главы «Британский музей начинался на Ямайке» стал доктор Ханс Слоун – создатель Британского музея, первого государственного и общедоступного до сегодняшнего дня. Врачи, стоящие у истоков книгопечатания, журналистики, первых газет, книжной графики в мире и России, в частности, - объекты изображения третьей («Мифы и реалии книгопечатания»), четвертой («Сколько монет в названии газеты «Копейка»?») и пятой («Экслибрис: НОТ или искусство»?») глав, содержащих массу интересных и мало известных фактов (например, о том, что врач и политик Жорж Клемансо имеет отношение к знаменитому в связи делом Дрейфуса письму Золя, которому он дал хлесткое название «Я обвиняю!»; о российском враче П.М. Ольхине, издателе, редакторе, основателе в 1861 году и ныне существующего журнала «Вокруг света», именно Ольхин, автор оригинальной системы и руководства по стенографии, направил к Ф.М. Достоевскому А.Г. Сниткину, сыгравшую огромную роль в его творческой жизни). Не менее содержательны другие десять глав книги, рассказывающие об истории библиотек и библиотеке Соловецкого монастыря особо, о месте в русской культуре разных поколений семьи Боткиных, о докторе Фридрихе Шиллере в литературе и музыке, о замечательных коллекционерах живописи, музыкальных инструментов (первой в мире женщине-анестезиологе Вирджинии Аппар) и многих-многих других врачах-труэнтах.

Последняя, пятнадцатая глава «Интеллигентность и медицинский труэнтизм» с подзаголовком «вместо заключения» особая. Утверждая, что труэнтизм - составная часть интеллигентности, автор книги размышляет о том, что такое интеллигентность вообще и каковы характерологические черты интеллигентного врача. И как всегда, апеллирует к разным источникам и личностям, среди которых для меня лично мало убедительной и нежелательной является фигура посредственного писателя П.Д. Боборыкина, тем более так и не ставшего врачом. А то, что интеллигентность, настаивает Зильбер, – категория нравственная, и под ней следует понимать прежде всего порядочность, честность, неспособность к низким поступкам, пристойность поведения, заставляет вспомнить концепцию интеллигентности Д.С. Лихачева.

В книге А.П. Зильбера впечатляет диапазон источников, широта охвата материалов – всё это свидетельства разностороннего гуманитарного знания, огромной начитанности, редкой сегодня эрудиции (стоило мне в разговоре упомянуть книгу Льва Кассиля «Кондуит и Швамбрания», тут же последовала реакция А.П., который процитировал наизусть гимн швамбран и привел несколько высказываний замечательного маленького героя книги - путаника Оськи). Не менее впечатляет, как прочитанное осмыслено и обжито,

как оно интерпретируется, как обнаруживаются новые смыслы. Один из поразивших меня примеров - гениальный роман XVI века (доктора, которому принадлежат термины «терапия», «ангина») Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Филологи знают, как непросто воспринимается и понимается воплощенная в романе народная смеховая культура, его гротескный реализм, гротескные материально-телесные образы и «телесного низа», в частности. Они прежде всего обращают на себя внимание читателей и комментаторов этого произведения. Чуткий и целенаправленный читатель А.П. Зильбер усмотрел в романе редко отмечаемый мотив и смысл, процитировав письмо отца-великана Гаргантюа сыну-великану Пантагрюэлю («Я хочу лишь вдохновить тебя на то, чтобы ты совершенствовался беспрестанно...»), письмо, в котором отразилась гуманистическая программа самого Рабле. Неожиданные смыслы, новые значения, нюансы и даже грани обнаруживает, улавливает, акцентирует А.П. Зильбер в античных мифах, Библии, в произведениях художественной литературы: «Капитанской дочке» А.С. Пушкина, «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, новелле И. Бабеля «Гюи де Мопассан», «Разбойниках» Ф. Шиллера и т.д. Талантливый истолкователь художественного текста - одна из ипостасей Зильбера-повествователя. Экскурсовед-искусствовед, когда Анатолий Петрович «прочитывает» и комментирует представленные в книге живописные работы из различных музеев мира. Наконец, пристрастный лингвист, неизменно озадаченный документированным выяснением, толкованием значения слов, их этимологией, формулированием того или иного термина (начиная с терминов «культура», «гуманитарный», «абитуриент» и т.д.). Он многократно расширяет границы словоупотребления, вводя в речевой оборот забытые или малоизвестные слова. Одно из них – особо почитаемое им слово «кводлибет», которое широко использовалось в средние века в университетах и означало торжественный словесный и интеллектуальный поединок, полемику. Зильбер упорно и методично адаптирует это слово в современном обиходе, практикуя кводлибеты среди своих студентов. Разноязычные словари – неперменные источники и инструменты в его тексте, редкая страница которого обходится без лингвистических изысканий.

Отличительное свойство книги Зильбера – ярко выраженный индивидуальный стиль. Размышляя в первой главе, как организовать, структурировать материал, каковой должна быть форма изложения, А.П. Зильбер называет такие литературные жанры, как очерк и эссе. И хотя в подзаголовке книга определена как «Очерки о врачах...», ее главы со свободной композицией, вопросами и размышлениями, многочисленными авторскими отступлениями («Я буду позволять себе подобные отвлечения на протяжении всей этой и следующих книг, и у читателей, которые не согласны с таким подходом, я заранее прошу

прощения и предлагаю не мучить себя, а пропускать подобные отступления или даже вообще отложить книгу в сторону» (с. 130), нередко публицистическими, порой даже гневными, особенно когда речь идет о современности - невежестве, бескультурье, чиновном произволе («.. и не худо бы и в нашей стране сделать попытку остановить разгул средневекового медицинского шарлатанства, расцветающего не только из-за объективных трудностей государственного здравоохранения...» (с.21), убедительно свидетельствуют, что жанрово книга Зильбера – синтез эссе и очерка, восходящий к бессмертным «Опытам» Мишеля Монтеня. Одна из пронизывающих «Врачей-труэнтов» интонаций, обеспеченных бесценным качеством, которым щедро одарен автор, - ее органическое чувство юмора. Без него не было бы в повествовании (и в заголовках подглавок) так обогащающей его иронии, иногда самоиронии, цитируемых каламбуров, остроумных анекдотов, шуточных песенок и частушек. А как хороши многочисленные юмористические ремарки или постраничные примечания. Приведу один из таких пассажей: «Те, кто не читал «Дракона» Е.Л. Шварца и другие его пьесы, могут пойти и организованно утопиться, потому что они все равно *не живут...*» (с. 359).

Живой авторский голос, авторское «я» присутствует на всех уровнях повествования, о чем непосредственно и выразительно заявлено в последней части первой главы «Упреждающая аналгезия автора». Вот выдержки из этого своеобразного манифеста: «Книга – не справочник и не фундаментальное руководство по медицинскому труэнтизму...»; «Эта книга очень личная. ...»; «Я и сегодня призываю своих читателей сомневаться и удивляться...»; «...свою главную задачу вижу в том, чтобы разжечь любопытство читателей к поиску»; «... книга писалась не один день, хоть и на едином дыхании. Вдох состоялся в 1949 г. на II курсе I ЛМИ, а выдох пока не состоялся». И действительно, сегодня, когда рукописи очередных томов находятся в издательстве, поиски и разыскания продолжаются, не прерываясь ни на один день.

Как-то в начале 2000-х годов мне довелось присутствовать на прекрасном творческом вечере петрозаводского поэта, барда Алексея Жидкова, врача-анестезиолога одной из больниц, которого Анатолий Петрович не без гордости представлял и как своего ученика-медика, и как единомышленника-труэнта, строчки которого «Нужно быть на свете этом // Хоть немножечко труэнтом», цитируются в книге. Не «немножечко, а в полную силу страстное увлечение, гуманитарно-просветительская деятельность выдающегося доктора и уникального труэнта Анатолия Петровича Зильбера блистательно воплотилась в его, несомненно, писательской книге.